

Кагами наблюдала, как ее возлюбленный и дочь ведут себя как идиоты, и не могла сдержать улыбку.

«Ах!» Элерион драматически схватился за живот и повалился на землю. «Я побежден!»

Хикари кудахтала и приняла позу на своем поверженном теле, подняв палку вверх и счастливо виляя одиноким лисьим хвостом. «Ха! Ты мне не ровня, папочка!»

Увы, ее дочь не учла его безжалостную хитрость. Хихикнув, он извернулся и поднялся на ноги, держа ее вверх тормашками за лодыжки, пока она замахивалась на него своей палкой. Ее размахивание ничего не дало. То элементарное магическое усиление, которое она могла использовать на своей палке, не имело никакой надежды преодолеть естественную стойкость ее отца.

«Предательство!» воскликнула она. «Ты сдался!»

«Я?» Элерион ухмыльнулся. «Я только сказал, что потерпел поражение. Я никогда не говорил, что сдался. Всегда убедитесь, что вы получили официальное и публичное заявление о капитуляции».

Глаза Хикари сузились. «Я буду помнить это... отец».

Элерион отшатнулся, словно от удара. — Отец? Что случилось с тем, что ты назвал меня папой?

«Коварных людей нельзя называть папами».

Элерион опустил ее обратно и схватился за грудь. «Ваши раны поражают глубже, чем любое оружие». Он закрыл лицо руками. «Даже я, Верховный Король, не могу не плакать от твоей жестокости».

Хикари усмехнулась. «Ты просто притворяешься, папочка».

Он пошевелил руками и ухмыльнулся. «Ты снова называешь меня папой!»

«...» Хикари поморщилась, и Кагами мог сказать, что она очень серьезно подумывала о том, чтобы ударить отца ногой в голень. Только осознание того, что при этом она, скорее всего, сломает ногу, удерживало ее от нападков. «Неудивительно, что дядя Маркус говорит, что ты интриган, папочка».

«Я строю планы только тогда, когда это необходимо. Но твой дядя Маркус? Он строит планы, потому что это весело». Элерион погладил ее по голове, и ее лисьи уши дернулись, пока он не остановился, чтобы нежно почесать их. «Знаешь, мы должны были порыбачить на озере, пока

ты не решил устроить мне засаду».

«Это практика». Хикари понимающе кивнула. «Дядя Думвинг говорит, что, поскольку я крошечный и слабый, пытаться сражаться с людьми напрямую было бы плохой идеей».

«Ну, он не ошибается», — сказал Элерион, пока они продолжали короткую прогулку к берегу озера. «Но вы должны понимать, что по сравнению с Doomwing почти все крошечные и слабые».

«Не тетя Песнь Снов. Она сказала, что может полностью победить его в драке». Хикари отказалась от ходьбы и предпочла взбираться на Элерион, как на дерево, и кататься на его плечах. Не раз Кагами задавался вопросом, почему их дочь не поступает с ней так чаще, но Хикари очень терпеливо объясняла, что Кагами — ужасное дерево и еще худшая лошадь. Элерион, однако, был превосходным деревом и еще лучшей лошастью. Кагами не был уверен, веселиться ему это или раздражаться. Опять же, Элерион был намного выше ее, и его плечи были намного шире.

«Не говори своему дяде Думокрылу, что она это сказала», — сказал Элерион. «Иначе он может сразиться с ней, просто чтобы посмотреть, сможет ли она».

Кагами потянулся, чтобы поймать ленту, выпавшую из волос Хикари. Хотя у ее дочери были пронзительные зеленые глаза, ее волосы, хвост и лисьи уши были того же золотого оттенка, что и волосы ее Элериона. Хикари была сгустком энергии, но ей также нравилось носить длинные волосы, а это означало, что эта лента была лишь последней в длинной череде лент, потерянных или испорченных при исполнении служебных обязанностей.

«Мама», — спросила Хикари. «Как ты думаешь, кто победит в схватке между дядей Роковым Крылом и тетей Песнь Снов?»

«Если бы битва происходила в мире сновидений или в их сознании, я подозреваю, что твоя тетя победила бы. Однако твой дядя выиграл бы, если бы битва произошла в физическом мире. Я полагаю, это зависит от того, есть ли у него развил магию, способную вести бой в физическом мире. Зная его, вероятно, у него есть несколько заклинаний или даже рун специально для этого».

«Крыло Рока никогда не любило быть неподготовленным», — сказал Элерион, посмеиваясь. Его взгляд упал на воду впереди них. «А теперь вспомни, о чем мы все договорились заранее».

«Никакой магии во время рыбалки», — послушно сказала Хикари. «Потому что ты знаешь, что проиграешь, если мы позволим это».

— Да, дорогая, — поддразнил Кагами. «Вы искусны во многих вещах, но рыбная ловля не входит в их число».

Элерион поморщился. «Вы двое совсем как Думвинг. Он весь «магия существует для того, чтобы ее можно было использовать», так что, конечно, нет ничего плохого в том, чтобы использовать молнию, чтобы убить рыбу в озере электрическим током, или использовать свои силы нового дракона, чтобы просто вытащить всю рыбу из озера. Хотите знать самое худшее? Во время моих тренировок он никогда не делился со мной пойманной едой. Он ел ее на моих глазах и говорил, что это мотивирует меня добиться большего».

«Это сработало, не так ли?» — спросил Кагами.

«Да, потому что я не хотел голодать». Элерион фыркнул. «Знаешь, я даже однажды пытался его отравить. В качестве наказания он бросил меня в яму, полную монстров, не потому, что я пытался его отравить, а потому, что он нашел эту попытку оскорбительно ужасной. Яд окажет на него какое-либо воздействие».

— Честно говоря, — заметил Кагами. «Большинство людей были бы рады избежать того, чтобы их там съели».

«Ба. Если бы Думвинг собирался меня съесть, он бы сделал это, когда я впервые появился. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что, по крайней мере, он нашел меня забавным».

«Какое зрелое отношение к ребенку. Тебе было бы... двенадцать или около того, когда это произошло, верно?» — спросил Кагами.

Он кивнул. «Либо его съел какой-нибудь подпрыгнувший селезень, либо я подошел к нему для тренировки. По крайней мере, если бы он меня съел, меня бы съела легенда».

Они остановились на берегу озера, и к ним подошел один из королевских стражников с тремя удочками.

«Надеюсь, их всех проверили на магию», — сказал Элерион.

Гвардеец решительно отдал честь. «Да, Ваше Величество. Они свободны от какой-либо магии».

— В какого подозрительного мужчину я влюбилась, — протянул Кагами. «Вы действительно думаете, что я зайду так далеко, чтобы заранее тайно зачаровать свою удочку?»

Он пристально посмотрел на нее. — Я люблю тебя, Кагами, но ты бы обязательно это сделал. Он снял дочь со своих плеч и улыбнулся ей. — Как и ты, Хикари.

Маленькая девочка беззастенчиво захихикала. «Дядя Роккрыл говорит, что научит меня очень сложному для обнаружения заклинанию для привлечения рыбы».

"Это так?" Элерион нахмурился. «Он никогда не учил меня ничему подобному».

«Он сказал, что ты так скажешь, и хотел, чтобы я сказал тебе, что он никогда тебя не учил, потому что ты ужасен во всем, кроме магии улучшения». Хикари хихикнула. «Кроме того, он хочет, чтобы я победил, чтобы он мог видеть, как ты страдаешь».

Рассказ был взят без разрешения; если вы увидите это на Amazon, сообщите об инциденте.

«...» Элерион закатил глаза. «И он задается вопросом, почему я не приглашаю его выпить, но я возьму Маркуса».

«Это также может быть связано с тем, что он гигантский и сравнивает с землей то место, где вы пьете».

"Это тоже."

Рыбалка завершилась легкой победой Кагами и отчаянием Элериона. Ее живой легенде о любовнике удалось поймать в общей сложности одну рыбу. Хикари принесла две, хотя обе были меньше одинокой рыбы Элериона. Кагами, однако, принес четыре рыбы, все приличного размера. Они готовили и ели рыбу на берегу озера, и в этом был такой чудесный уют, что Кагами захотелось проводить больше времени, занимаясь подобными вещами с людьми, которых она любит, и меньше времени управлять своим народом.

Увы, эпоха Фит показала, что, предоставленные самим себе, кицунэ имеют склонность принимать... неудачные решения.

Как обычно, Хикари хорошо поела, а затем быстро заснула. Элерион нес ее на своей спине, пока они возвращались во дворец. Пока они возвращались, она могла сказать точный момент, когда он свергнул отца Элериона и снова принял мантию Верховного короля Элериона.

Его спина выпрямилась, глаза сияли, и, несмотря на седину в волосах, он двигался с энергией человека в самом расцвете сил. Это был Элерион Доблестный, Верховный король, который объединил под своей властью более дюжины королевств и принес мир и процветание миллионам людей. Это была также мантия, которую ему пришлось надеть теперь, когда они больше не были одни и вместо этого двигались по улицам к дворцу, а королевская гвардия расчищала им путь.

Люди смотрели на него с благоговением и благоговением. В их глазах он был живой легендой, человеком, который пережил обучение первобытного дракона и использовал это обучение, чтобы убить меньшего дракона, будучи еще подростком. Он выигрывал битву за битвой и доказал свою эффективность против самых разных врагов — от драконов и гидр до вампиров, оборотней и морских чудовищ. Пока он был жив, его народ был абсолютно уверен, что все будет хорошо, что мир и процветание, которые он принес, будут продолжаться.

Но в этом-то и дело.

Несмотря на все свои силы, Элерион все еще оставался всего лишь человеком. Его великая сила означала, что он проживет дольше, чем большинство людей, но ему действительно посчастливится прожить больше столетия. Его люди беспокоились о том, что произойдет, когда он умрет, и они были правы в своей обеспокоенности. Чтобы объединить свои королевства, Элерион взял несколько жен. Каждая из этих жен родила ему по несколько детей, а это означало, что на трон, на котором он восседал, претендовали несколько человек.

Конечно, Элерион не был дураком. Он систематизировал законы о наследовании и публично провозгласил Алтария, старшего сына своей первой жены, своим преемником. План состоял в том, чтобы другие его дети заняли должности, подобные герцогам, и заставили их управлять своими собственными королевствами, хотя и под общим правлением самого Алтариуса, чье королевство в настоящее время было самым большим и сильным из тех, которыми правил Элерион. Но Кагами знал, как легко можно отбросить такие намерения. Ее мать умерла в конце Пятой эпохи, и Кагами стал ее официальным преемником.

Тем не менее, ей все равно пришлось вести долгую и кровавую битву со своими братьями и сестрами за власть над кицунэ. Это была битва, которую они с трудом могли себе позволить, и если бы не поддержка и помощь Песни Снов, Кагами не была уверена, что она бы выжила, не говоря уже о победе, в битве за наследство. Она боялась, что в тот момент, когда Элерион умрет, разразится подобная битва, в которой его дети будут сражаться друг с другом за власть над королевствами.

Кагами не собирался вовлекать Хикари в этот конфликт, но это не значило, что Хикари сможет оставаться в стороне. Хикари сейчас была всего лишь ребенком, но она была дочерью Кагами, а Кагами правил кицунэ. Если бы Хикари захотела, она могла бы призвать силу, равную или превосходящую силу любого из ее сводных братьев и сестер. Что еще более усложняет ситуацию, Хикари искренне любила большинство своих сводных братьев и сестер. Если бы они пошли друг на друга войной... доброе сердце ее дочери разбилось бы.

Кагами уже сообщила различным фракциям, что она намерена поддержать желания Элериона и поддержать Алтариуса в качестве следующего Верховного короля. Она знала молодого человека и его мать уже много лет и была в хороших отношениях с обоими. Между Верховной Королевой и Элерионом не было большой романтической любви, но они оба очень уважали друг друга и считали друг друга надежными друзьями. Они хорошо подходили друг другу: Верховная Королева решала вопросы при дворе, а Элерион действовал более свободно. Не раз Кагами использовала свои собственные... ресурсы, чтобы помочь Верховной Королеве, и между ними было твердое понимание, что в обмен на поддержку Кагами Алтариуса, Алтариус позаботится о том, чтобы всегда было место для Хикари и кицунэ в землях, которыми правил Элерион.

Конечно, эта поддержка также нажила ей врагов среди других потенциальных преемников и их семей. Они считали ее угрозой, и она не сомневалась, что после ухода Элериона они предпримут более решительные действия. Но она будет готова к ним и позаботится о том, чтобы Хикари тоже была готова. Да, ее дочь была молода, но со временем она станет сильнее, чем мог бы стать любой человек. Кагами чувствовал это. Хикари была не единственным ее

ребенком, а просто самым младшим, но у нее был потенциал превзойти других своих детей.

Если бы только политика среди кицунэ не была еще хуже, чем среди людей. Как бы жестоко это ни было при дворе Элериона, была причина, по которой Кагами редко возвращала Хикари на родину кицунэ, и даже тогда она доверяла заботу о своей дочери Песне Снов, когда не могла позаботиться о ней лично.

«Ты снова беспокоишься», — тихо сказал Элерион. «И я могу сказать, о чем ты беспокоишься». Его губы дернулись. «Ты слишком много волнуешься».

«Возможно, ты недостаточно волнуешься».

«Вопрос о наследовании решен, и я также говорил об этом с Маркусом и Думвингом. Они согласились обеспечить его соблюдение. Я сомневаюсь, что кто-то хочет драться с Маркусом, и я точно знаю, что абсолютно никто не собирается этого делать. вступите в бой с Думвингом».

— Я просто... — Кагами вздохнул. "Я беспокоюсь." Она посмотрела на их дочь, которая храпела на спине Элериона. «Если бы люди могли просто... ладить. Это было бы здорово, не так ли?»

«Было бы, да». Элерион усмехнулся. «Но люди есть люди. Если вы их не создадите, я сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет».

<http://tl.rulate.ru/book/106454/4196849>